

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-107-130

ДЕФИНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ТВОРЧЕСКОГО ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ: ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ КРИТЕРИИ

Ирина Вячеславовна Убоженко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
МГИМО (университет) МИД РФ, г. Москва, Россия

Для контактов: iubojenko@hse.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению базовых понятийных характеристик термина «творческое переводческое решение» (ТПР) и анализу содержательного тезауруса указанного понятия в целях упрощения и повышения продуктивности его использования в теории, дидактике и критике перевода для объяснения качественных процессуальных и результирующих свойств выполненного перевода. Материалом исследования послужил критический анализ актуального переводоведческого дискурса, опубликованного в формате научных статей и монографий ведущих отечественных учёных, а также эмпирическая апробация предложенной автором итоговой дефиниции в виде экспертного интервью с опытными специалистами в области перевода. В результате исследования качественными категориальными критериями изучаемого научного концепта выступают дефинитивные параметры уникальности, окказиональности и контекстуальности. В статье предложена оригинальная ментальная схема понятия творческого решения в переводе (ТПР) и впервые эмпирическим путём выводится его развёрнутое научное определение.

Ключевые слова: творческое переводческое решение (ТПР), дефиниции переводоведческого дискурса, категориальные признаки творческого переводческого решения (ТПР)

Для цитирования: Убоженко И.В. Дефинитивные признаки творческого переводческого решения в современном профессиональном дискурсе: понятийно-категориальные критерии // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2025. № 2. С. 107–130. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-107-130

Статья поступила в редакцию 27.01.2025;
одобрена после рецензирования 26.06.2025;
принята к публикации 30.06.2025.

DEFINITION OF CREATIVE TRANSLATION SOLUTION IN MODERN PROFESSIONAL DISCOURSE: CONCEPTUAL SIGNS AND CATEGORIAL CRITERIA

Irina V. Ubozhenko

National Research University Higher School of Economics (HSE University),
MGIMO University, Moscow, Russia

For contacts: iubozenko@hse.ru

Abstract. The paper is related to identifying basic characteristics of the term “creative translation solution” (CTS) and analyzing the meaningful thesaurus of the concept under study with the objective to simplify and increase the efficiency of its use in theory, didactics and criticism of translation as well as to explain the qualitative procedural and resultant properties of any final translation performed. The research material is a critical analysis of relevant translatology discourse, published as research articles and monographs by leading Russian scholars. The described study has also tested the definition proposed by the author through the empirical support in the form of an expert interview with experienced translation specialists. As a result of the research, the qualitative categorial criteria of the studied scientific concept are the definitive parameters of uniqueness, contingency and contextuality. The author offers an original mental scheme of the concept of creative decision in translation (CTS) and for the first time empirically deduces its detailed scientific definition.

Keywords: creative translation solution (CTS), translatology discourse definitions, categorial features of a creative translation solution (CTS)

© Ubozhenko I.V., 2025

For citation: *Ubozhenko I.V.* Definition of creative translation solution in modern professional discourse: conceptual signs and categorial criteria. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2. P. 107–130. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-107-130

The article was submitted on January 27, 2025;
approved after reviewing on June 26, 2025;
accepted for publication on June 30, 2025.

*Методология переводческого поиска определяется
стремлением проникнуть во всё, что стоит
за текстом, за словом, во всём найти знак.*

Н.К. Гарбовский

Введение и актуальность

При подготовке обзора накопленного опыта в области изучения нестандартных подходов при выборе переводческого решения в рамках задачи снятия многозначности и поиска несловарного варианта мы намеренно стремились изучить труды авторитетных отечественных исследователей, принадлежащих к представителям ведущих современных российских транслатологических школ, поскольку зарубежное переводоведение всё более сосредоточено в последнее десятилетие на изучении социальной и междисциплинарной функции перевода как инструмента межкультурной коммуникации (Пим, 2018), менее акцентируя внимание на семантических подходах к профессиональному объяснению и поиску переводческих решений, в том числе и в эмпирическом поле весьма популярного на данный момент аудиовизуального перевода (Бармина, 2023; Елькин, 2021).

Примечательно, что исследования параметризации креативности дискурсов разного типа сегодня довольно интенсивно заполняют научное пространство отечественного языкознания и лингвистики (Заботкина, 2018; Зыкова, 2023; Киосе, 2020; Харченко, 2019), в то время как переводоведческий анализ собственно терминологической сути творческого решения в переводе либо обнаруживается менее плотно, либо не представлен вовсе, несмотря на то, что исследования нередко заявлены как сосредоточенные на изучении переводческой креативности (Герасимова, 2016; Рафикова, 2020). Результативная скудность исследовательского поля в области

переводческого творчества как, в первую очередь, процессуальной цепочки принятия часто нестандартных решений подкрепляет **актуальность** изложенных в данной статье результатов (Убоженко, 2024).

Контекстуальный выбор и создание окказионального переводческого варианта были и остаются краеугольными камнями теории перевода с точки зрения её объяснительного и дидактического потенциала с самого начала её истории в России (ранее в СССР) как переводоведческой науки (Рецкер, 1950). Однако со стремительным прорывом в индустрию современного нейросетевого машинного перевода данная проблематика столь же быстро стала обрастать мифами о дальнейшей бесперспективности ставшей уже классической интерпретативной теории перевода, где контексту по-прежнему отводится главенствующая роль снятия полисемантической при передаче исходного смысла, в том числе в ходе принятия творческих решений (Велла, 2013; Убоженко, 2016; Гоппен, 2023). Преемником интерпретативной и когнитивной парадигм претендует стать нейросетевой машинный подход, активно разрабатывающий приёмы предредактирования текста для обеспечения ручного нивелирования лексической неоднозначности (Коканова, 2024). Одновременно учёные активно ищут возможности повысить нейросетевые умения машины для адекватной интерпретации исходных единиц перевода с помощью создания вспомогательных словарей и продолжения накопления параллельных корпусных словарных данных. Тем не менее, экокognитивная оптимизация поиска переводческих вариантов и моделирование профессиональной среды посредством выполнения различных творческих задач продолжают волновать исследователей (Чистова, 2024), оставляя незаполненной лауну изучения человеческих возможностей и навыков для создания нестандартных лингвистических решений вообще и в переводе в частности.

Литературный обзор

Одним из заметных исследований последних двух десятилетий стала выполненная в 2009 году в Тюменском государственном университете в рамках пермской школы профессора Л.В. Кушнина кандидатская диссертация, в которой была предпринята развёрнутая попытка описания понятия гармоничного переводческого решения (Енбаева, 2009; Кушнина, 2007, 2014): исследователь определила его как «осуществляемый переводчиком выбор из средств переводящего языка, оптимальный и согласовывающийся со всеми

принимаемыми решениями, опосредованный комплексным воздействием полей переводческого пространства, сбалансированно участвующий в создании не противоречащей оригиналу системы образов и продиктованный целью создания гармоничного текста перевода» (Енбаева, 2009). Предложенный в работе набор операций переводческого решения включал алгоритмизированную последовательность из трёх стадий принятия переводческого решения: анализа оригинала, поиска альтернатив и принятия решения о выборе одной из альтернатив, с указанием на возможность использования эвристических операций. Для устранения речевой многозначности в качестве ментальной схемы процесса перевода в диссертации была заимствована синергетическая модель творческого процесса «порядок — хаос — новый порядок».

Следует дополнить, что о синергетических возможностях соотношения т.н. «креативного ландшафта» и переводческого пространства, аккумулирующего весь мицелий мыслительных форм при восприятии оригинала и поиске переводческих альтернатив, в отечественной теории перевода упоминалось и ранее (Убоженко, 2006). В этой связи нельзя не отметить московскую научную школу профессора Задорновой В.Я., где в начале 90-х годов теперь уже прошлого века перевод рассматривался, с одной стороны, как словесно-художественное творчество, а с другой, как результат детального научно-филологического анализа. Постулат о том, что перевод может быть как «основанным на вдохновении», так и являться серьёзным научным творчеством, уже тогда фактически впервые обозначил границы интуитивного озарения и рационально-логического решения в переводе (Борисова 1989). Позже под руководством В.Я. Задорновой в 2006 году в МГУ им. М.В. Ломоносова была успешно защищена кандидатская диссертация о творческом использовании языка и его пределах в переводе (Натитник, 2006).

Спустя десятилетие серьёзное диссертационное исследование взаимоотношения стереотипности и креативности на материале юридических терминологических коллокаций было выполнено вновь в рамках научной школы перевода профессора Л.В. Кушниковой на базе Удмуртского государственного университета (Криворучко, 2017). Автор акцентировала внимание на типах языковой и речевой сочетаемости, выполнив количественно-качественный анализ соответствующих коллокационных рядов, представленных индивидуально-авторскими (оказиональными), рекуррентными и фиксированными юридическими терминологическими коллокаци-

ями. В работе был описан когнитивный механизм взаимодействия стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций и предложена типология сочетательной ценности стереотипности и креативности. Исследователь пришла к выводу, что в переводящем дискурсе градуированно формируется своеобразный комбинаторный баланс стереотипности и креативности юридических терминологических коллокаций, в результате чего, через взаимодействие лингвокультурных и правовых систем, генерируется гармоничный дискурс. Важно подчеркнуть, что в своих выводах автор, по сути, даёт определение неадекватному переводческому решению, отмечая, что «при негативном векторе формируется несбалансированная комбинаторность стереотипности и креативности коллокаций, порождается дисгармоничный дискурс, что приводит к отклонению от лингвокультурных и правовых норм и непониманию коммуникантов» (Криворучко, 2018). Любопытна также предложенная в диссертации оценочная шкала эвристичности в корреляции с семантической новизной переводческого решения.

Методология и материал исследования

Преследуя **цель** дать в настоящей статье концептуальную дескрипцию творческого переводческого решения через попытку формализации его отличительных критериев, требуется изучить относительно конвенциональные закономерности принятия творческих переводческих решений.

В современном отечественном переводоведении ведущим учёным, неоднократно подчёркивающим в своих трудах значимость междисциплинарного подхода к изучению перевода как когнитивного явления и неотъемлемость художественных признаков переводческой деятельности, более двух десятилетий остаётся профессор Н.К. Гарбовский (Гарбовский, 2010). Помимо научной школы теории и практики перевода МГУ им. Ломоносова, известность набирают и исследования учёных из Москвы и Санкт-Петербурга (Колмогорова, Чистова, 2020, 2023). В научных рамках школы профессора В.Н. Комиссарова (МГЛУ) нами был также ранее предложен алгоритм принятия творческого переводческого решения в зависимости от стимулов: творческое решение с учётом определённых ограничений подразумевает в нём выполнение любого преобразования, обусловленного выявленными стимулами (Убоженко, 2014). Алгоритм не предлагает конкретных стратегий, следование которым можно считать оптимальным при сочетании выявленных

определённых условий, и продуктивен в использовании при выполнении ретроспективного анализа перевода в процессе обучения и при необходимости обоснования переводческих решений. Усовершенствованная **гипотеза**, тестируемая в настоящем исследовании, заключается в том, что не исключается также возможность применения такого алгоритма переводчиком и при выборе варианта перевода: следуя приведённой последовательности действий, переводчик анализирует потенциальные ограничения и исключает недопустимые варианты.

Следовательно, **актуальность** выявления чётких критериев творческого решения и устранение размытости его дефиниции заключается в том, чтобы интегрировать это понятие в существующий алгоритм и применять его уже не для ретроспективного анализа выбранного варианта перевода, а для, собственно, самого его выбора. Такая попытка изначально была реализована в бакалаврском исследовании, выполненном под руководством автора данной статьи и успешно защищённом в прошлом году на базе НИУ «Высшая школа экономики» (Дунюшкин, 2024; Петухова, 2024). Отобранный эмпирический **кейс** был связан с творческими переводческими решениями ономастической природы, не поддающимися стандартизации и унификации, когда не представляется возможным соотнести исходную и переведённую единицы по словарю (в том числе по двуязычному ономастическому словарю). Изначально аксиоматичным было принято считать, что двух базовых ранее доказанных критериев нестандартного решения в переводе (Ubozhenko 2020; Убоженко 2023) — соответствия цели коммуникации и несоответствия словарному эквиваленту — недостаточно для использования понятия творческого решения в рамках предложенного авторского дидактического алгоритма.

В выводах выпускной квалификационной работы подчёркивается, что реализованная вспомогательная задача по предварительному распределению анализируемых фрагментов исходных и переводящих дискурсивных сегментов по типам эквивалентности позволила заключить, что все творческие решения отличаются низким уровнем эквивалентности при сопоставлении с оригиналом. Данная закономерность объясняется тем, что нестандартный перевод отдельной единицы зачастую требует переосмысления синтаксической структуры высказывания и влечёт за собой значительные преобразования лексического состава. Факт отсутствия в исследовании примеров, относящихся к пятому типу эквивалентности (пословный перевод или полное калькирование), в очередной раз

подтвердил гипотезу о том, что *словарный перевод не может рассматриваться как безоговорочно творческое переводческое решение*, поскольку одной из особенностей пятого типа эквивалентности является сопоставимость лексических единиц. Иными словами, если возможно обнаружить вариант перевода лексической единицы в двуязычных словарях и сопоставить значение исходной единицы со значением переводящего варианта по толковым словарям, то такой перевод не может быть определён как нестандартный или творческий и не влечёт за собой снижение уровня переводческой эквивалентности.

В этой связи в статье излагается оригинальное видение содержательного наполнения понятия творческого переводческого решения, с учётом его ядерных и периферийных отличительных признаков. Ментальная схема, иллюстрирующая **новизну** нашего подхода, демонстрируется ниже в виде категориальной триады.

Схема 1. Дефинитивные признаки творческого переводческого решения

В ходе первичной апробации в указанной выше бакалаврской работе Дунюшкина и Петуховой среди критериев творческого переводческого решения в первую очередь были в очередной раз подтверждены три фундаментальных: 1) мотивированность — творческое переводческое решение должно быть обусловлено по крайней мере одним из трёх доминантных стимулов (стиль, контекст и фон); 2) соответствие цели коммуникации; 3) низкий уровень эквивалентности — лексический состав и синтаксическая структура

творческого переводческого решения не могут соответствовать оригиналу, т.е. относиться к пятому (дословному) уровню эквивалентности. Несоответствие переводческого решения первому критерию сигнализирует о том, что его применение необоснованно, и акт коммуникации будет успешен и без творческого подхода к его реализации. Поиск нестандартных путей при таком сценарии в лучшем случае будет отнимать дополнительное время и способствовать неэффективности процесса перевода, а в худшем — негативно скажется на соблюдении цели коммуникации. Вторым критерий является универсальным для любого переводческого решения, включая творческое. Нарушение цели коммуникации исходного текста недопустимо при выполнении перевода: перевод, не удовлетворяющий этому требованию, не может быть признан адекватным оригиналу. Несмотря на то, что второй критерий косвенно включен в третий (помимо других факторов, низкий уровень эквивалентности также подразумевает соблюдение цели коммуникации), его следует выделить отдельно во избежание некорректного толкования и смешения понятий адекватности и эквивалентности перевода. Третий критерий является следствием первого: само наличие стимулов к принятию творческого решения определяет невозможность полной сопоставимости состава и структуры оригинала и перевода. В отдельных случаях решение, относящееся к четвертому или третьему типам эквивалентности, может быть определено как творческое, однако доминирующими типами эквивалентности для таких решений будут являться второй и первый (Комиссаров, 2004).

Верификация выявленных критериев творческого переводческого решения и результатов ретроспективного анализа с целью проверки полученных выводов авторами описываемого бакалаврского исследования была проведена в ходе серии интервью с экспертами в области перевода и переводоведения (Дунюшкин, Петухова, 2024).

Приводим ниже полные формулировки заданных респондентам вопросов.

1. Мозг переводчика нередко сравнивают с «чёрным ящиком», подразумевая, что отследить и описать процессы, происходящие в нём, практически невозможно. Исследователи используют два основных метода решения этой проблемы: интроспективный анализ (озвучивание мыслительного процесса во время перевода) и ретроспективный анализ (рефлексия, осмысление принятых решений по завершении перевода). Какой из них, на Ваш взгляд, лучше подхо-

дит для выявления алгоритмов принятия переводческих решений, и почему?

2. Если первый, то можем ли мы пренебречь качеством перевода (и, следовательно, качеством анализируемых переводческих решений), которое неизбежно падает при параллельном выполнении второй сложной когнитивной задачи — озвучивании своих мыслей? Можно ли считать это погрешностью? Если второй, то можем ли мы быть уверены в том, что переводчику удастся корректно воспроизвести свои мысли постфактум? Или доскональное воспроизведение своих мыслей становится не столь принципиальным, так как на этапе рефлексии у переводчика появляется возможность осмыслить свои решения, принятые подсознательно (интуитивно)?

3. Стоит ли переводчику снабжать перевод художественных текстов рефлексивным комментарием, который включает в себя объяснение принятых решений?

4. Чем может являться такой комментарий — маркером качества перевода, методом работы над постредактированием перевода или и тем, и другим?

5. Как бы Вы определили нестандартное (творческое) переводческое решение?

6. По каким критериям Вы бы предложили относить переводческие решения к творческим или нетворческим?

7. Возможно ли определить степень нестандартности переводческого решения, т.е. утверждать, что одно решение является более творческим, а другое — менее творческим?

8. Ниже приведены примеры переводческих решений, принятых нами при переводе рассказа Э. Троллопа «Лотта Шмидт». Оцените по шкале от 1 до 5, насколько, на Ваш взгляд, каждое из этих решений является нестандартным, где 1 — совершенно стандартное (нетворческое) решение, 5 — крайне нестандартное (творческое) решение. Если на предыдущий вопрос вы ответили, что оценка степени творчества неприменима к переводческим решениям, то не используйте оценки 2, 3 и 4.

a. *side hairs* — жидкая солома, растущая на висках

Контекст: *I should not mind his being bald so much, if he did not try to cover his old head with the side hairs.*

b. *to have fancies and fantasies* — быть принципиальным

Контекст: *And Herr Crippel was a man who had his fancies and his fantasies, and would not always yield to entreaty.*

c. phalanx of dowagers — рыцари Мальтийского ордена

Контекст: *Girls dance and men smoke, and there is eating and drinking, and everybody is as well behaved as though there was a protecting phalanx of dowagers sitting round the walls of the saloon.*

d. How you change! — У тебя семь пятниц на неделе!

Контекст: *How you change! It was only yesterday you scolded me because I did not wish to be the wife of your dear friend Crippel.*

e. like a gander on one leg — как часовой

Контекст: *He is standing there waiting for you, like a gander on one leg.*

9. Ниже приведены ещё несколько примеров переводческих решений, принятых нами при переводе того же рассказа. Предположите, какими стимулами могло быть обусловлено принятие именно таких решений:

a. greedily — судорожно

Контекст: *While the notes are living, while the music is still in the air, the ear comes to covet greedily every atom of tone which the instrument will produce, so that the slightest extraneous sound becomes an offence.*

Перевод: *Ноты соскальзывают с её струн россытью жемчужин, и ухо судорожно пытается уловить каждую из них — оттого тончайшая гармония цитры может быть разрушена любым случайным шорохом.*

b. Leopoldstadt — Леопольдштадт, северо-восточный район Вены

Контекст: *Now Sperl's is a great establishment for dancing in the Leopoldstadt, which is always open of a Sunday evening, and which Lotta Schmidt was in the habit of attending with much regularity.*

Перевод: *Танцевальный холл «Цум Шперль» находился в Леопольдштадте, северо-восточном районе Вены, и пользовался большой популярностью у жителей города. Каждый воскресный вечер там проходили балы, и Лотта почти никогда их не пропускала.*

c. to know a man — водить дружбу с женщиной; surely — разве?

Контекст: *I don't know what you mean by that. I like Herr Crippel very much, and he plays beautifully. Surely a girl may know a man old enough to be her father without having him thrown in her teeth as her lover.*

Перевод: *Не знаю, о чем ты. Мне нравится герр Криппель. К тому же он замечательно играет. Разве девушка не может водить дружбу с женщиной, который годится ей в отцы, не заводя с ним роман?*

Перевод был выполнен дипломантами Евгением Дунюшкиным и Анной Петуховой. В интервью приняли участие пять экспертов, представителей переводческой индустрии, являющихся преподавателями перевода и учёными (4 кандидата и 1 доктор филологии-

ческих наук), в качестве шестого респондента выступила доктор химических наук: участие фокус-эксперта из другой области знаний позволило определить, варьируется ли интерпретация понятия переводческого творчества в зависимости от степени профессионального погружения в теоретические аспекты перевода.

Результаты исследования

Интервью было проведено в текстовом формате с использованием технологии Google Forms, приведенные ниже ответы являются обезличенными. Первый вопрос был нацелен на верификацию основного исследовательского метода, использованного для определения критериев творческого переводческого решения, предложенного в алгоритме. Респондентам был предложен выбор между интроспективным и ретроспективным методами анализа для выявления алгоритмов принятия творческих переводческих решений. Абсолютное большинство опрошиваемых выделяют ретроспективный анализ как наиболее подходящий для оценки качества перевода, в том числе для выявления алгоритмических паттернов, выстраивания логических связей между ИТ и ПТ, а также для осознания экстралингвистических факторов, напрямую повлиявших на результат работы.

Второй вопрос являлся смысловым продолжением первого, необходимым для верификации причины использования основного исследовательского метода. Вопрос должен был натолкнуть опрошиваемых на сомнение, связывая интроспективный анализ со сложностью совмещения двух когнитивных задач (произведение мыслительного процесса и его озвучивание), а ретроспективный — с проблемой точного воспроизведения мыслительных цепочек постфактум. Большинство респондентов не изменяют своего мнения, изложенного в предыдущем вопросе, однако один из них допускает возможность внесения корректировок в готовый перевод, так как в результате переосмысления принятого решения оно может показаться менее удачным, чем в момент его применения.

Третий и четвёртый вопросы предлагали оценить необходимость в составлении рефлексивного комментария при переводе, чтобы определить, с какой целью и в каких случаях может потребоваться его написание с точки зрения экспертов. Двое респондентов выделяют необходимость в обязательном снабжении перевода художественных текстов рефлексивным комментарием, уточняя, что он может быть полезен не только переводчику, но и реципиенту перевода, так как в нём присутствует экспликация аллюзий

(исторических, библейских, бытовых и др.). Остальные реципиенты склоняются к мнению, что рефлексивный комментарий может нести практическую ценность лишь в контексте обучения, так как формализация мыслительного процесса облегчит студентам понимание теории перевода и на конкретных примерах обоснует важность адаптации иноязычных текстов.

В пятом вопросе эксперты предложили свои варианты определений для творческого переводческого решения. Некоторые респонденты отметили неоднозначность понятия творчества, поэтому в ответах встречаются и потенциально неформализуемые понятия, такие как «атмосфера текста», «художественный талант», «передача настроения» и «золотая середина». Тем не менее, среди ответов можно выделить наиболее часто встречающийся тезис, определяющий понятие — сохранение типа текста с оправданным применением неочевидных переводческих трансформаций и с максимальной передачей языковых особенностей оригинала.

Шестой вопрос предполагал выбор наиболее значимых критериев, по которому переводческое решение будет допустимо охарактеризовать как творческое. Критерии, предлагаемые экспертами, зачастую основываются на конкретных понятиях из теории перевода (сохранение образных средств ИЯ, сохранение коммуникативной задачи ИТ, прагматическая адаптация ПТ, вовлечение большего количества слабых ассоциативных связей), однако в некоторых ответах присутствует и неопределённый элемент — «отход от конвенциональных, канонических и общепринятых переводческих решений». Тем не менее, результаты интервью совпадают с двумя из трёх выявленных критериев для определения нестандартного переводческого решения, а именно — соответствие перевода цели коммуникации и низкий уровень эквивалентности. Мотивированность не была выделена респондентами как необходимый критерий для описываемого понятия, однако при ответе на предыдущий вопрос в определении творческого переводческого решения двое респондентов выделили необходимую оправданность творческих переводческих решений, что является синонимичным понятием. Следовательно, данный критерий также возможно расценивать как подтверждённый.

В седьмом вопросе респондентам был предложен вопрос о возможности определения степени креативности принятого переводческого решения. Все эксперты ответили утвердительно, подтвердив гипотезу о том, что иерархия уровней творчества применима к оценке переводческих решений.

Восьмой вопрос состоял из пяти пунктов, в каждом из которых приводятся примеры нестандартных решений, описанных в работе, подкреплённые фрагментами из оригинального текста. Опрашиваемым было предложено определить степень творчества в примерах по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно стандартное (нетворческое) решение, а 5 — крайне нестандартное (творческое) решение, таким образом, высокая оценка степени творчества соотносится с низкими уровнями эквивалентности (по шкале В.Н. Комиссарова) (Комиссаров, 2004). Самым нестандартным переводом среди предложенных, по мнению большинства экспертов, является перевод фразы *“How you change”* в ИТ на *“У тебя семь пятниц на неделе”* в ПТ. Менее креативным, но всё ещё ближе к таковому, респонденты оценили перевод единицы *“like a gander on one leg”* в ПТ на *«как часовой»* в ИТ.

Обработка материалов интервью подтвердила таким образом результаты бакалаврского исследования выраженной экспертной оценкой: поскольку первый пример относится к первому уровню эквивалентности, а второй — ко второму, и они оба оценены экспертами как творческие, можно говорить об обратной зависимости между степенью творчества и уровнем эквивалентности. В последнем вопросе интервью экспертам было предложено определить стимулы, которыми было обусловлено принятие творческих переводческих решений. В частности, им были представлены решения *“greedily”* — *«судорожно»* (стимул — стиль), *«Leopoldstadt — Леопольдштадт, северо-восточный район Вены»* (стимул — фон) и *«to know a man — водить дружбу с мужчиной»* (стимул — контекст). Данный вопрос был нацелен на подтверждение гипотезы о том, что в основе творческого переводческого решения должен лежать по крайней мере один стимул, и на проверку корректности определения данных стимулов при написании рефлексивного комментария (Убоженко, 2023). Все три решения были определены экспертами как мотивированные, что косвенно подтверждает положение о том, что творческое решение не может быть необоснованным. При определении стимула к первому примеру один из экспертов оценил переводческое решение как неудачное; другой эксперт определил введённую при переводе метафору как удачную, но само введение метафоры счёл недостаточно обоснованным; остальные эксперты (трое из пяти) отметили стилистические особенности оригинального фрагмента как вынуждающие прибегать к значительным лексико-синтаксическим преобразованиям при переводе (соответствует стимулу «стиль»).

При определении стимула ко второму примеру все эксперты отметили необходимость в выполнении прагматической адаптации текста для русскоязычного реципиента (соответствует стимулу «фон»). При определении стимула к третьему примеру трое из пяти респондентов определили выполненную конкретизацию как уместную в данном контексте (соответствует стимулу «контекст»); двое респондентов также отметили удачное воспроизведение модальности высказывания путём преобразования исходной фразы, содержащей приведённую единицу, в риторический вопрос («*Surely a girl may know a tap — Разве девушка не может водить дружбу с мужчиной?*»). Важно отметить, что отличие ответов эксперта из другой области знаний от ответов других респондентов было недостаточно значительным, чтобы выявить наличие зависимости между экспертизой в области переводоведения и индивидуальной интерпретацией творческого переводческого решения.

Выводы и дискуссионные аспекты

Интерпретируя полученные в качестве апробации экспериментальные данные, приходим к заключению, что ментальная карта понятия «творческое переводческое решение» (ТПР) в письменном дискурсе имеет определённые типологические характеристики (или категориальные критерии) и содержательные элементы.

К ядерным категориальным критериям относятся:

- 1) уникальность (несловарное ТПР);
- 2) контекстуальность (мотивированное ТПР);
- 3) полная окказиональность (коннотативно-имманентное ТПР).

В содержательном плане *уникальность*, подтверждаемая отсутствием фиксации в словаре, преимущественно иллюстрируется переводом безэквивалентной лексики, неологизмов, топонимики и иных потенциально креативных единиц перевода. Переводческие решения, обусловленные влиянием на их окончательный мотивированный выбор разных видов *контекста*, включают в себя многообразие фоновых/экстралингвистических стимулов их предпочтения: культурологические доминанты выбора; энциклопедические стимулы (переводческая эрудиция и профильные знания); лингвоспецифичные мотиваторы выбора (Ubozhenko, 2016; Убоженко, 2023). Наконец, творческие *окказионализмы* в переводе могут быть оправданы необходимостью передачи разноплановых семантических коннотаций: в том числе эмотивных, аксиологических, идиостилистических и/или иных регистровых маркеров.

Одновременно творческое переводческое решение (ТПР) обладает и периферийными свойствами: среди них можно выделить выходящую за целевые рамки данной статьи категорию ассертивности (ТПР содержит пресуппозицию ответственности переводчика или группы переводчиков за принятие решения); высокую прагматическую и сверхпрагматическую вариативность (ТПР вмещает потенциал целевого воздействия); технологическую несостоятельность (ТПР сложно выводится с помощью инструментов AI и не поддаётся качественной интерпретации при автоматизации перевода) (Гоппен, 2023; Кузнецова, 2023).

Таким образом, **творческое переводческое решение** (ТПР) можно определить как *уникальный контекстуально-мотивированный вариант перевода,okkaзиональность которого репрезентуется в его коннотативно-имманентных категориях, обладающих когнитивным потенциалом ментального конструирования различных комбинаторно-семиотических комплексов: коллокационно-идиоматичного, аксиологического, эмотивного и иного рода образных сочетаний*. Предложенная дефиниция не претендует на статус исчерпывающей, но предлагает комплексный взгляд на описание термина «творческое переводческое решение» и способствует его экспериментальной, дидактической и переводоведческой воспроизводимости.

Заключение

Способность не только интуитивно, но и осознанно сравнивать и выбирать — это главная творческая способность людей, и именно результат выбора человека на основе критических размышлений отличает его от машины. Понятие креативности прежде всего связано с творческим потенциалом личности, способностью создавать новое. В этой логике всестороннее изучение терминологического концепта «творческое переводческое решение» и его полноценное описание может быть полезным не только для теоретиков перевода и специалистов по переводческой дидактике, но и для специалистов высшей квалификации, в обязанности которых входит критический анализ различных дискурсов профессиональной коммуникации и оценивание качества реализуемого с их помощью межкультурного взаимодействия.

Список литературы

Бармина Е.А. Творческая адаптация каламбура при аудиовизуальном переводе (на материале ситуационной комедии “The Big Bang Theory”).

Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки, 2023. Т. 38, № 3. С. 74–79. DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-74-79. EDN PZTHRX.

Борисова Е.Б. Перевод как словесно-художественное творчество и как результат научно-филологического анализа текста: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.04 / Е.Б. Борисова; научный руководитель В.Я. Задорнова; (Место защиты: МГУ имени М.В. Ломоносова). М., 1989. 23 с.

Велла Т.М. Переводческие константы интерпретативной теории перевода // Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2013. № 2 (261). С. 204–206.

Гарбовский Н.К. Перевод как художественное творчество // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода, 2010. № 3. С. 4–16. EDN MWDQNJ.

Герасимова Н.И. Художественный перевод как вид творчества // Новая наука: Проблемы и перспективы, 2016. № 3–1 (67). С. 15–17. EDN VPSIJN.

Гоппен А.С., Убоженко И.В. Заменит ли нейросеть переводчика? Изучение творческих решений в машинном переводе // Didactica Translologica, 2023. № 2. С. 23–39.

Дунюшкин Е.И. Москва, НИУ ВШЭ, 2024. Рефлексивный комментарий как когнитивная экспликация творческого переводческого решения: реалии и ономастика в художественной прозе. Выпускные квалификационные работы студентов НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Дунюшкин Е.И., Петухова А. Методология перевода «имён-прецедентов» (Текст): сборник статей по результатам IX научной межвузовской конференции молодых учёных. М.: ШИЯ НИУ ВШЭ, 2024. С. 110–119.

Елькин В.В. Транскреация как творческий перевод и результат межъязыкового и межкультурного взаимодействия // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования, 2021. № 2–1. С. 92–100. EDN OPZZCD.

Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.20; научный руководитель Л.В. Кушнина; Пермский государственный технический университет; (Место защиты: Тюменский государственный университет). Тюмень, 2009. 24 с.

Заботкина В.И. Креативность в лексиконе: взаимодействие когниции и коммуникации // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. Том 2. М.: «КДУ», Университетская книга, 2018. С. 22–25. EDN USETMQ.

Зыкова И.В. Лингвокреативное моделирование дискурсов разной модальности // Вопросы когнитивной лингвистики, 2023. № 3. С. 16–30. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-16-30. EDN RKTBEY.

Киосе М.И. Когнитивно-семиотические основания лингвокреативности дискурса: методика анализа // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива, 2020. № 2. С. 37–47. DOI: 10.26170/ufv20-02-03. EDN JMWKXB.

Коканова Е.С., Пак Н.С. «Рабочие» приёмы предредактирования текста английской медицинской инструкции для машинного перевода на русский и белорусский языки // Англистика в третьем тысячелетии: новые подходы и пути развития. Тезисы докладов Международной научной конференции. Минск, 2024. С. 69–70.

Колмогорова А.В. Когнитивный механизм порождения креативных решений в переводческой деятельности / А.В. Колмогорова, Е.В. Чистова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2020. Т. 19. № 3. С. 59–71. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.3.6. EDN SZEEUY.

Колмогорова А.В., Чистова Е.В. Эвристический потенциал метода экокognитивного моделирования в теории перевода // Didactica translatorica, 2023. № 1. С. 4–8.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М.: ЭТС, 2004. 424 с.

Криворучко А.И. Стилистические параметры текста как отражение стереотипного и творческого в деятельности переводчика // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология, 2017. Т. 27. № 3. С. 479–483. EDN ZFHUHF.

Криворучко А.И. Динамика стереотипности и креативности при переводе юридически ориентированных текстов // Русистика без границ, 2018. Т. 2. № 2. С. 67–72. EDN XSCGEN.

Кузнецова Е.Д. Искусство перевода: реальна ли автоматизация творчества в XXI веке? // Вестник культуры и искусств, 2023. № 4 (76). С. 63–70.

Кушникова Л.В. Переводческий хронотоп: творчество versus стереотип // Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов / Федеральное агентство по образованию Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный университет»; под редакцией М.Н. Котуровой. Том 11. Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2007. С. 77–88. EDN TDALVP.

Кушникова Л.В. Принципы гармоничного перевода: метапереводческий аспект // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 2014. Вып. 18. С. 65–76.

Натитник А.В. Творческое использование языка и его границы в переводе: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2006. 208 с. EDN NNXNJD.

Петухова А. Москва, НИУ ВШЭ, 2024. Рефлексивный комментарий как когнитивная экспликация творческого переводческого решения: реалии и ономастика в художественной прозе. Выпускные квалификационные работы студентов НИУ ВШЭ — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Пим Э. Теоретические парадигмы в переводоведении: Санкт-Петербургский государственный университет. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. 256 с. ISBN 978-5-288-05916-2. EDN OHLYHF.

Рафикова А.С. Роль креативности в переводческой деятельности // Тенденции развития науки и образования, 2020. № 66-4. С. 180–182. DOI: 10.18411/lj-10-2020-190. EDN SIWJKT.

Рецкер Я.И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода: сборник статей. М.: Изд-во Академии педагогических наук РСФСР, 1950. С. 156–183.

Убоженко И.В. Интуиция в научном творчестве (к вопросу об истоках переводческого интуитивизма) // Вестник Московского государственного лингвистического университета, 2006. № 505. С. 122–136. EDN BVOEZR.

Убоженко И.В. О когнитивном моделировании интуиции и творчества в переводе: интерпретативно-семиотический подход // Вестник СПбГУ. Сер. 9, 2016. Вып. IV. С. 122–142.

Убоженко И.В. Творчество как интеллектуальный ресурс новаторского мышления (на примере переводческой деятельности в дидактическом аспекте). Человеческий капитал, 2023. № 2 (170). С. 174–181. DOI: 10.25629/HC.2023.02.21. EDN WJORZM.

Убоженко И.В. К вопросу о множественности терминологических соответствий: переводческое решение в креативной парадигме когнитивного переводоведения. Когнитивные исследования языка, 2024. № 4 (60). С. 425–431. EDN KGRIPC.

Харченко В.К., Нагорная А.В. Грани и границы лингвокреативности: языковые эксперименты Стивена Кинга. М.: Ленанд, 2019. 312 с. Philologos, 2019. № 2 (41). С. 98–100. EDN EMVVNB.

Чистова Е.В. Переводческий дизайн как профессиональная когнитивно-коммуникативная деятельность, метод исследования и дидактическая практика (на материале аудиовизуальных произведений). Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты, 2024. № 2 (58). С. 106–122. DOI: 10.31249/chel/2024.02.06. EDN ERWXMW.

Ubozhenko I. V. (2016) On Creative Occasionalisms in Teaching Translation. Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы: Сборник научных трудов 11-й Международной научно-методической интернет-конференции, Москва, 04–08 апреля 2016 года, под редакцией Н.Н. Гавриленко. М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), pp. 279–287. EDN XUZGFN.

Ubozhenko I.V. (2020) Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. Vol. 13, No. 3, pp. 363–374. DOI: 10.17516/1997-1370-0566. EDN IYNRTG.

References

Barmina E.A. (2023) *Tvorcheskaya adaptatsiya kalambura pri audiovizual'nom perevode (na materiale situacionnoj komedii "The Big Bang Theory") = Creative adaptation of pun in audiovisual translation (based on the sitcom "The Big Bang Theory")*. Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki. Vol. 38. No. 3, pp. 74–79. DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-74-79. EDN PZTHRX (In Russian).

Borisova E.B. (1989) *Perevod kak slovesno-hudozhestvennoe tvorchestvo i kak rezul'tat nauchno-filologicheskogo analiza teksta = Translation as a literary and artistic creation and as a result of scientific and philological analysis of a text. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04, nauchnyj rukovoditel' V.Ya. Zadornova; (Mesto zashchity: MGU imeni M.V. Lomonosova). Moscow, 23 p.* (In Russian).

Chistova E.V. (2024) *Perevodcheskij dizajn kak professional'naya kognitivno-kommunikativnaya deyatelnost', metod issledovaniya i didakticheskaya praktika (na materiale audiovizual'nyh proizvedenij) = Translation design as a professional cognitive and communicative activity, a research method, and a didactic practice (based on audiovisual works). Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty. No. 2 (58), pp. 106–122. DOI: 10.31249/chel/2024.02.06. EDN ERWXMW (In Russian).*

Dunyushkin E.I. (2024) *Moscow, NIU VSHE. Refleksivnyj kommentarij kak kognitivnaya eksplikatsiya tvorcheskogo perevodcheskogo resheniya: realii i onomastika v hudozhestvennoj proze = Reflective commentary as a cognitive explication of a creative translation solution: realities and onomastics in fiction. Vypusknye kvalifikacionnye raboty studentov NIU VSHE. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". (In Russian).*

Dunyushkin E.I., Petuhova A. (2024) *Metodologiya perevoda "imeneprecedentov" (Tekst) = Methodology for translating "case names". Sbornik statej po rezul'tatam IX nauchnoj mezhvuzovskoj konferencii molodyh uchenyh. Moscow: SHIYA NIU VSHE, pp. 110–119 (In Russian).*

El'kin V.V. (2021) *Transkreaciya kak tvorcheskij perevod i rezul'tat mezh"yazykovogo i mezhkul'turnogo vzaimodejstviya = Transcreation as a creative translation and the result of interlingual and intercultural interaction. Yazyk i kul'tura v epohu integracii nauchnogo znaniya i professionalizacii obrazovaniya. No. 2–1, pp. 92–100. EDN OPZZCD (In Russian).*

Enbaeva L.V. (2009) *Perevodcheskoe reshenie rechevoj mnogoznachnosti (na materiale literaturny nonsensa) = Translation solution of speech polysemy (based on nonsense literature). Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.20; nauchnyj rukovoditel'*

L.V. Kushnina; Permskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet; (Mesto zashchity: Tyumenskij gosudarstvennyj universitet). Tyumen' 24 p. (In Russian).

Garbovskiy N.K. (2010) Perevod kak hudozhestvennoe tvorchestvo = Translation as an artistic creation. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teorija perevoda*. No. 3, pp. 4–16. EDN MWDQHJ.

Gerasimova N.I. (2016) Hudozhestvennyj perevod kak vid tvorchestva = Literary translation as a type of creativity. *Novaya nauka: Problemy i perspektivy*. No. 3–1 (67), pp. 15–17. EDN VPSIJN. (In Russian).

Goppen A.S., Ubozhenko I.V. (2023) Zamenit li nejroset' perevodchika? Izuchenie tvorcheskikh reshenij v mashinnom perevode = Will AI replace human translators? Examining creative solutions in machine translation. *Didactica Translatorica*. No. 2, pp. 23–39 (In Russian).

Harchenko V.K., Nagornaya A.V. (2019) Grani i granicy lingvokreativnosti: yazykovye eksperimenty Stivena Kinga = The facets and frontiers of linguistic creativity: Stephen King's language experiments. Moscow — Leningrad, 312 p. *Filologos*. No. 2 (41), pp. 98–100. EDN EMVVB. (In Russian).

Kiose M.I. (2020) Kognitivno-semioticheskie osnovaniya lingvokreativnosti diskursa: metodika analiza = Cognitive and semiotic foundations of linguistic creativity in discourse: methodology for analysis. *Ural'skij filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*. No. 2, pp. 37–47. DOI: 10.26170/ufv20-02-03. EDN JMWKXB. (In Russian).

Kokanova E.S., Pak N.S. (2024) “Rabochie” priemy predredaktirovaniya teksta anglijskoj medicinskoj instrukcii dlya mashinnogo perevoda na russkij i belorusskij yazyki = “Working” techniques for pre-editing the text of an English medical instruction for machine translation into Russian and Belarusian. *Anglistika v tret'em tysyacheletii: novye podhody i puti razvitiya. tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Minsk, pp. 69–70 (In Russian).

Kolmogorova A.V. (2020) Kognitivnyj mekhanizm porozhdeniya kreativnykh reshenij v perevodcheskoj deyatel'nosti = The cognitive mechanism of generating creative solutions in translation activities. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*. Vol. 19, No. 3, pp. 59–71. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.3.6. EDN SZEEUY. (In Russian).

Kolmogorova A.V., Chistova E.V. (2023) Evristicheskij potencial metoda ekokognitivnogo modelirovaniya v teorii perevoda = The heuristic potential of the ecocognitive modeling method in translation theory. *Didactica translatorica*. No. 1, pp. 4–8 (In Russian).

Komissarov V.N. (2004) Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie = Modern translation studies. Textbook for students. Moscow: ETS, 424 p. (In Russian).

Krivoruchko A.I. (2017) Stilisticheskie parametry teksta kak otrazhenie stereotipnogo i tvorcheskogo v deyatel'nosti perevodchika = Stylistic parameters of the text as a reflection of the stereotypical and creative in the translator's activity. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*. Vol. 27. No. 3, pp. 479–483. EDN ZFHUHF. (In Russian).

Krivoruchko A.I. (2018) Dinamika stereotipnosti i kreativnosti pri perevode juridicheski orientirovannyh tekstov = Dynamics of stereotyping and creativity in the translation of legal texts. *Rusistika bez granic*. Vol. 2. No. 2, pp. 67–72. EDN XSCGEH. (In Russian).

Kuznecova E.D. (2023) Iskusstvo perevoda: real'na li avtomatizaciya tvorчества v XXI veke? = The art of translation: is creative automation possible in the 21st century? *Vestnik kul'tury i iskusstv*. No. 4 (76), pp. 63–70 (In Russian).

Kushnina L.V. (2007) Perevodcheskij hronotop: tvorchestvo versus stereotip = Translation chronotope: creativity versus stereotype. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Federal'noe agentstvo po obrazovaniju Gosudarstvennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Permskij gosudarstvennyj universitet»; Pod redakciej M.N. Kotyurovoj. Vol. 11. Perm': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya "Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet", pp. 77–88. EDN TDALVP. (In Russian).

Kushnina L.V. (2014) Principy garmonichnogo perevoda: metaperevodcheskij aspekt = Principles of harmonious translation: the meta-translation aspect. Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr. Perm'. Ussie 18, pp. 65–76 (In Russian).

Natitnik A.V. (2006) Tvorcheskoe ispol'zovanie yazyka i ego granicy v perevode = Creative use of language and its boundaries in translation. Special'nost' 10.02.20 "Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe i sopostavitel'noe yazykoznanie": dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moscow. 208 p. EDN NNXNJD. (In Russian).

Petuhova A. (2014) Moscow, NIU VSHE. Refleksivnyj kommentarij kak kognitivnaya eksplikaciya tvorcheskogo perevodcheskogo resheniya: realii i onomastika v hudozhestvennoj proze = Reflective commentary as a cognitive explication of a creative translation solution: realities and onomastics in fiction. Vypusknye kvalifikacionnye raboty studentov NIU VSHE — Nacional'nyj issledovatel'skij universitet "Vysshaya shkola ekonomiki". (In Russian).

Pim E. (2018) Teoreticheskie paradigmy v perevodovedenii: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet = Theoretical Paradigms in Translation Studies. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 256 p. ISBN 978-5-288-05916-2. EDN OHLYHF. (In Russian).

Rafikova A.S. (2020) Rol' kreativnosti v perevodcheskoj deyatelnosti = The role of creativity in translation. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*. No. 66–4, pp. 180–182. DOI: 10.18411/lj-10-2020-190. EDN SIWJKT. (In Russian).

Recker Ya.I. (1950) O zakonomernyh sootvetstviyah pri perevode na rodnoj yazyk = About regular correspondences when translating into your native language. Voprosy teorii i metodiki uchebnogo perevoda: sbornik statej.

Moscow: Izd-vo Akademii pedagogicheskikh nauk RSFSR, pp. 156–183 (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2006) Intuiciya v nauchnom tvorchestve (k voprosu ob istokah perevodcheskogo intuitivizma) = Intuition in scientific creativity (on the origins of translation intuitionism). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*. No. 505, P. 122–136. EDN BVOEZH. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2016) O kognitivnom modelirovanii intuicii i tvorchestva v perevode: interpretativno-semioticheskij podhod = On cognitive modeling of intuition and creativity in translation: interpretive and semiotic approaches. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Issue IV*, pp. 122–142 (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2023) Tvorchestvo kak intellektual'nyj resurs novatorskogo myshleniya (na primere perevodcheskoj deyatel'nosti v didakticheskom aspekte) = Creativity as an intellectual resource of innovative thinking (the translation case, in terms of didactics). *Chelovecheskij kapital*. No. 2 (170), pp. 174–181. DOI: 10.25629/HC.2023.02.21. EDN WJORZM. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2024) K voprosu o mnozhestvennosti terminologicheskikh sootvetstvij: perevodcheskoe reshenie v kreativnoj paradigme kognitivnogo perevodovedeniya = On the multiplicity of terminology: translation solution in the creative paradigm of cognitive translation studies. *Cognitive issledovaniya yazyka*. No. 4 (60), pp. 425–431. EDN KGRIPC. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2016) On Creative Occasionalisms in Teaching Translation. Professional'no orientirovannyj perevod: real'nost' i perspektivy: Sbornik nauchnyh trudov 11-j Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy internet-konferencii, Moscow, 04–08 April 2016 goda. Pod redakciej N.N. Gavrilenko. Moscow: Rossijskij universitet družby narodov (RUDN), pp. 279–287. EDN XUZFVN. (In Russian).

Ubozhenko I.V. (2020) Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 13, No. 3, pp. 363–374. DOI: 10.17516/1997-1370-0566. EDN IYNRTG.

Vella T.M. (2013) Perevodcheskie konstanty interpretativnoj teorii perevoda = Translation constants of the interpretive theory of translation. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2 (261), pp. 204–206 (In Russian).

Zabotkina V.I. (2018) Kreativnost' v leksikone: vzaimodejstvie kognicii i kommunikacii. Yazyk. Kul'tura. Perevod = Creativity in the lexicon: the interaction of cognition and communication. *Kommunikaciya: sbornik nauchnyh trudov*. Vol. 2. Moscow: “KDU”, Universitetskaya kniga, pp. 22–25. EDN USETMQ. (In Russian).

Zykova I.V. (2023) Lingvokreativnoe modelirovanie diskursov raznoj modal'nosti = Linguocreative modeling of discourses of different modalities. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*. No. 3, pp. 16–30. DOI: 10.20916/1812-3228-2023-3-16-30. EDN RKTBEY. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Убоженко Ирина Вячеславовна — доцент, кандидат филологических наук, доцент Школы иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия. 101000 Москва, Мясницкая, 20; доцент кафедры английского языка № 6 МГИМО (университет) МИД РФ, 119454 Москва, пр. Вернадского, 76; iubojenko@hse.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Irina V. Ubozhenko — Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor, Associate professor of School of Foreign Languages, National Research University Higher School of Economics, Myasnitskaya, 20, Moscow, Russia, 101000; Associate professor of English Department 6 of School for Governance and Politics, MGIMO University (Moscow State Institute of International Relations), Vernadskogo Prospect, 76, Moscow, Russia, 119454; iubojenko@hse.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community. The author states that there is no conflict of interests.